

ПСИХОЛОГИЯ

*Евгений Леонидович ДОЦЕНКО —
зав. кафедрой общей и социальной психологии
Института психологи, педагогики,
социального управления,
профессор, доктор психологических наук
dotsenko_e@bk.ru*

*Татьяна Иосифовна БОРКО —
профессор кафедры зарубежной литературы
Института филологии и журналистики,
доктор философских наук
Тюменский государственный университет*

УДК 159.9.01

ПЕРВИЧНЫЙ АНТРОПОГЕНЕЗ СОЗНАНИЯ

PRIME ANTHROPOGENESIS OF CONSCIOUSNESS

АННОТАЦИЯ. В статье сделана попытка снять трудности, связанные с пониманием того, каким образом возникает сознание. Предлагается мыслить возникновение сознания как постепенного процесса накопления осознаваемого содержания в последовательных циклах актуализации в коллективном опыте использования знаков и орудий и его дезактуализации в индивидуальной практике. Обоснование дано на примерах первобытного искусства.

SUMMARY. The attempt to remove the difficulties in understanding the origin of consciousness was made in the article. It is proposed to view the emergence of consciousness as a gradual process of accumulating the perceived content in consecutive periods of actualization in collective experience of signs and tools usage. This process is supposed to be desactualized in individual practice. The ideas are illustrated by primeval art examples.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Возникновение сознания, бессознательное, осознаваемое, подражание, первобытное (архаическое) искусство, ритуалы, значения и смыслы, общественная практика.

KEY WORDS. Origin of consciousness, unconscious, the perceived, imitation, archaic art, rituals, meanings, commune activity.

Возникновение сознания как видовой характеристики человека многие годы тревожит умы ученых. Проблема, не получившая приемлемого решения, состоит в том, чтобы понять процесс перехода от до-сознательного состояния человека к наличию сознания. Здесь «понять» означает дать пошагово описать то, как от состояния отсутствия сознания пред-человек перешел к обладанию

сознанием как психической реальностью. Мыслить этот процесс как одномоментный было бы некорректно. К настоящему времени не существует данных, позволяющих представить, что в результате какого-то одного (!) события мог бы произойти такой кардинальный переход. Трудно даже гипотетически предположить, каким это событие могло бы быть. Скорее всего, возникновение сознания следует мыслить как развернутый во времени процесс перехода от до-сознательного состояния жизнедеятельности пред-человека к полноценному (полноформатному) сознанию как специфической общественной реальности. Для этого требуется показать, какого рода процессы выступают механизмом порождения сознания — многотысячелетнего по своей длительности перехода. Центральный вопрос, на который требуется ответить, — это объяснить, каким образом сознание может быть и не быть одновременно, уже существовать, но еще не всегда функционировать.

Наша **цель** — показать, каким образом человечество приобретало свою самую яркую видовую характеристику — наличие сознания. Другими словами, каким образом формировался сам вид *homo sapiens*.

Терминологические уточнения. Широко распространенные термины «сознание» и «бессознательное» находятся в методологически плачевном состоянии. Путаница с соотношением понятий «сознание» и «бессознательное» отчасти проистекает из неудачно использованного лингвистического средства: слово бес-сознательное предполагает наличие некоторой психической реальности, которая бы не совпадала с сознанием. Звучит странно: человек мыслится носителем сознания, которое куда-то в силу некоторых качеств на время исчезает, но продолжает действовать, не будучи сознанием. Не обсуждая методологические моменты, нам необходимо сделать некоторые терминологические уточнения.

Начнем с сознания. Определения типа «высшая форма отражения действительности, свойственная только человеку» не выдерживают критики. Во-первых, это не определение — нет критерия, с помощью которого можно было бы в конкретном случае решить, обладает данное существо (животное, гоминид, пришелец из космоса и т.п.) сознанием или нет. Во-вторых, самонадеянно считать, что более высокой формы отражения, чем та, которой обладаем мы, не существует. И, в-третьих, еще более самонадеянно считать, что мы единственные носители сознания. В задачи статьи не входит обоснование предлагаемого ниже определения, мы дадим ему лишь краткие комментарии.

Сознание — созданная с помощью знаков и орудий искусственная реальность (иллюзия), которая систематически преобразуется (воплощается) в реальность общественной практики.

Критериями наличия сознания выступают: а) использование орудий (искусственных средств преобразования реальности) и знаков (искусственных средств указания на фрагменты реальности), б) порождение (и существование) коллективных интерпретаций (систем значений), объясняющих устройство реальности существования, в) наличие общественной практики в соответствии с принятой системой интерпретаций (по существу, принимаемых на веру мифов). Как следует из определения и критериев, сознание *общественно и межсубъектно* по своей природе — порождается и существует только в сообществе живых существ, и не может возникать у отдельных индивидов. Кроме того, оно *потенциально коммуникативно* — устроено так, что любое его содержание, получившее знаковое оформление, может быть передано любому адресату, обладающему той же интерпретативной системой.

При таком определении сознания оппозиция «сознание — бессознательное» имеет смысл скорее как противопоставление человеческого нечеловеческому (животному или до-человеческому), и во многом совпадает с противопоставлением «разумное — неразумное». Поэтому все, что может показаться человеческому наблюдателю разумным у животных, может быть признано таковым, лишь если сработают все критерии. Впечатление, что мы выставляем слишком жесткую планку, снимается, если отметить, что указанным критериям соответствуют **имитационные действия** (подробнее см. ниже).

В свете предложенного определения сознания все, что в психоанализе относят к бессознательному, является содержанием сознания как психической и общественной реальности. Привычная для психоанализа оппозиция терминологически корректно может быть обозначена как «осознаваемое — неосознаваемое». И то, и другое одновременно принадлежит к сознанию (является сознанием), но они находятся в разном функциональном состоянии.

Осознаваемое — это фрагмент содержания сознания, актуально приведенный в форму, пригодную для передачи адресату — другому лицу (лицам) или себе (во внутреннем диалоге). Эта форма — знаково оформленное сообщение, отсылающее к некоторой реальности (образу, чувству, понятию, действию и т.д.), потенциально доступное для понимания (интерпретации) адресатом сообщения. Следовательно, осознаваемое — это актуально коммуникативный фрагмент сознания, составляющий содержание текущего сообщения. Признаки осознанности (соотносимые с критериями сознания): а) содержание сознания знаково оформлено, б) имеется система интерпретаций, общая для обеих (всех) сторон коммуникативного процесса, в) в наличии актуальный процесс передачи данного содержания от отправителя к адресату. В случае, когда отправитель и получатель сообщения представляют одно и то же лицо, мы имеем феномен, который описывается словом «осознает».

Неосознаваемое отличается от осознаваемого тем, что его содержание актуально некоммуникативно (точнее, коммуникативно лишь в потенциале): а) для оперирования с ним используются не только знаковые (культурные) средства, но и натуральные — сенсорные или перцептивные паттерны, включая висцеральные (т.е. они настолько субъективны и индивидуальны, что не имеют общепринятого обозначения); б) для интерпретации и преобразования актуально неосознаваемой части сознания широко используются невербальные средства — действия, сценарии, ритуалы и пр., что затрудняет однозначность понимания данного содержания; в) применяемые средства (орудия и знаки) используются в качестве средств передачи сообщения, а не в качестве передаваемого содержания (но могут стать содержанием при необходимости). Таким образом, неосознаваемое присутствует в осознаваемом, но в качестве используемого фона, в виде средств оперирования осознаваемым и т.п. Поэтому оно может быть рассмотрено в качестве метасообщения — содержания, невольно (ненамеренно) передаваемого адресату, но остающегося в силу своего функционального назначения вне фокуса осознания.

Имитация — колыбель сознания. Ключевым действием, способным положить начало сознанию, является имитация. Естественной предпосылкой ее возникновения служит механизм уподобления — подстройка параметров жизнедеятельности под особенности жизненной ситуации. Наличие этого механизма было показано А.Н. Леонтьевым с сотрудниками применительно к ощущению, восприятию и операциональному составу деятельности, и Т. Липпсом примени-

тельно к чувственной (эмоциональной) сфере*; близкие идеи разрабатывали Дж. Брунер (о перцептивных гипотезах) и Е.Ю. Артемьева (о перцептивных универсалиях).

Второй естественной предпосылкой для имитации выступило подражание, свойственное животным и даже птицам. Оно играет важную роль в прижизненном обучении — облигатном или факультативном. Два достаточных условия обеспечивают превращение подражания в имитацию: намерение передать некий опыт другому индивиду и использование знаковых средств для передачи сообщения. Намерение передать нечто производно от стремления согласовать свои усилия с усилиями сородичей в совместной активности, которое возникало из опыта участия в сценариях, используемых животными. Так, например, пра-люди участвовали в охоте на волков в качестве загонщиков. Неудивительно в этом свете, что наши предки строили запруды так, как это делают бобры, могли долго ожидать в засаде, как это делают кошачьи, и т.п. Но если большинство животных основные поведенческие паттерны проявляют и без передачи от сородичей, то эти же паттерны сами по себе даже в качестве подражания не могут быть освоены людьми спонтанно. Пра-людям требовался механизм, с помощью которого необходимо было вовлекать сородичей в некое действие, общий замысел которого был подсмотрен у кого-нибудь из животных. Таким механизмом как раз и стала имитация — намеренное действие, сделать так, как это делают животные.

Свидетельства в пользу того, что имитация сыграла важную (возможно, решающую) роль в порождении сознания, обнаруживаются в архаическом искусстве. Исследователей изобразительного искусства смущает, к примеру, что для создания некоторых древних изображений требовались невероятные усилия: наскальные изображения времен палеолита, как правило, расположены в удаленных камерах пещер (в Каповой пещере в 300 м от входа); на большой высоте или даже на плоскости потолка (как в ансамблях Ласко и Альтамиры). Даже более древние следы изобразительной деятельности (отпечатки ладоней и параллельные извилистые линии, так называемые «макароны») были весьма трудоемкими в исполнении. Например, некоторые изображения ладони созданы не простым оттиском вымоченной в краске руки, а способом разбрызгивания краски изо рта вокруг ладони, прижатой к поверхности стены. Для нанесения «макарон» люди порой предварительно покрывали стену пещеры глиняным раствором, в которой пальцами прочерчивали рисунок. Таким же образом оставляли в глине отпечатки ступней ног на полу. Для чего производились эти действия и что могли означать подобные следы? Относительно «макарон» у исследователей (А.Д. Столяр, В.Б. Мириманов) [1] есть предположение, что они появились в подражание пещерному медведю, точащему когти о скальную породу — царапины от медвежьих когтей часто обнаруживались в соседних помещениях. Может быть, значение отпечатков ноги или руки в глине тоже мыслилось по аналогии: человек оставляет свой след подобно тому, как зверь оставляет след. Во всяком случае, формально эти артефакты указывают на стремление имитировать действия живущих рядом животных.

Похоже, даже первый опыт самоосознания возникает на основании подражательной деятельности, на ощущении идентичности с неким животным. Сходный образ жизни, общий ареал обитания, общие источники пищи и воды спо-

* Современные представления об эмпатии во многом были предвосхищены в работах Т. Липпса.

собствовали такому ощущению. Но главное, что животное как объект промысла обеспечивало выживание, от него зависело благополучие племени. Его мясо служило пищей, шкуры — одеждой, кости и сухожилия — инструментами. Поедая мясо животного, человек словно превращает его плоть в свою, у-сваивает, при-сваивает, объединяясь с ним в одно целое. Люди уподоблялись зверю, подражая его повадкам, облику. Ношение шкуры животного было во многих случаях необходимостью, защищало от холода, но вместе с тем означало, что надевший шкуру «превращается» в зверя — он способен «думать» как зверь, передвигаться как зверь, чуют запахи и опасность, видеть как зверь и обладать нечеловеческой силой. Этнографы даже в современных традиционных охотничьих культурах (например, Е.Д. Прокофьева [2] у хантов) отмечали способ охоты, при котором добытки в цельных оленьих шкурах с головой и рогами проникали в стадо, подражая движениям и крикам животных, чтобы окружить жертву.

Осознание человеком самого себя впервые происходит не через противопоставление другим живым существам, а через уподобление им, вплоть до полного отождествления. Вероятно, комплекс идей тотемизма возник вокруг этих аффективных ощущений. Собственно, и весь ритуал тотемных верований, и обряды инициации включают в себя имитационные действия, подражание животному, мыслимому первопредком. И не просто имитационные действия — жрецы добиваются от неофитов полной трансформации: прежнее существо умирает, вместо него рождается человек (только с момента инициации он считается человеком данного племени). Манипуляции над телом придают посвящаемому черты сходства с тотемным животным (подпиливание зубов, в виде клыков, татуировки, имитирующие грубую звериную шкуру или рисунок на шкуре). Словом, человек становится человеком, лишь когда отождествляется с животным-прародителем*.

Судя по всему, для первобытного сознания поначалу не существовало разницы между тем, что имитируется и суть средствами имитации. Обряжаясь в шкуру животного, человек «становился» этим животным, имитируя охоту, человек ощущал ее как происходящие в реальности события. Знак и означаемый им объект совпадали. Природа знака такова, что он дает возможность указать на предмет, сообщить о нем без его присутствия. Манипулируя шкурой животного, человек получает возможность указать на объект охоты, может изобразить животное, сообщая юным соплеменниками о его повадках, может вызвать весь комплекс ощущений и аффектов, связанных с охотой. Так, шкура, будучи природным объектом, также становится и знаком, обеспечивающим коммуникацию. Затем она может быть использована независимо от ситуации, не сопровождать охоту или ритуал. То есть содержание и форма знака больше не тождественны, могут не совпадать и способствуют расширению круга значений, приписываемых знаку. Человек вдруг (или не вдруг?) ощущает, что в его власти воздействовать

* Стоит отметить, что во многих мистических учениях практикуются техники, при которых мист должен отождествиться с созерцаемым предметом. В частности, в буддистских сектах созерцания дзен или дхьяни: медитирующий должен сосредоточить, сконцентрировать свое сознание на объекте и полностью отождествить себя с ним, почувствовать, что его тело совпадает с созерцаемым объектом, независимо, является он живым или неживым. Надо почувствовать свою плоть как камень, если созерцаешь камень, почувствовать, как восходят соки от корней к ветвям и проникают до самых кончиков листьев, если ты стал растением и т.п.

на исход охоты (в миметическом действии, имеется в виду). Имитируя охоту, он может изобразить (в зависимости от своих желаний), что забит самый крупный и сильный зверь, что поймано несколько особей и т.п., то есть знаки позволяют моделировать не просто реальность, а желаемую реальность. Так человек учится с помощью знаков конструировать некую иллюзорную действительность, а не просто удваивает ее, создавая адекватную копию физического мира. В процессе имитационных действий человек превращает природные объекты в знаки, а затем учится создавать искусственные знаки для обозначения предметов, событий, действий, которые составляют его жизнеобеспечивающую практику.

Имитационная природа первых знаков обеспечивает их понятность. Сходные переживания, возникшие в процессе охоты, совместные действия способствовали тому, что даже случайно вовлеченные в ситуацию объекты для всех имели одни и те же значения, принимали общий смысл. До вербальных форм первичные знаки-артефакты уже обеспечивали понимание и служили средством фиксации значения и хранения смыслов, появившихся в сообществе первобытных охотников.

Как у всех живых существ, у человечества эволюция направлена на выживание и приспособление. Затратный, казалось бы, характер архаических изображений и ритуалов все же не противоречил утилитарности, поскольку последняя стоила вложенных затрат. То, ради чего стоило их понести, есть чудо, точнее, восприятие и переживание первобытными людьми чего-то как чуда. Социально это ритуалы, а психически — феномен озарения (понимания, усмотрения, соотнесения и т.п.). Этот феномен заслуживает пристального рассмотрения, т.к. в нем мы склонны усматривать момент рождения сознания — в коллективной форме, с использованием знаков и систем интерпретаций.

В ритуале используются средства указания на некий сценарий (например, загонной охоты): одни участники надевают шкуры или головы копытных, другие — охотящихся на них хищников; одни из них гонят копытных, другие — организуют засаду. Когда это происходит не-естественно, а благодаря организованной имитации, у присутствующих происходит узнавание того, что до этого воспринималось как природное событие. Это есть настоящее понимание в его исходной форме: одни участники конструируют сообщение, другие его истолковывают, используя *общий для всех опыт* наблюдения за природными событиями и участия в них. Одни используют элементы естественных событий в качестве имитаций-указаний, другие восстанавливают исходные референтные связи. Субъективно это восстановление-узнавание должно было восприниматься как чудо, как озарение, поскольку это переживание понимания-воспоминания первоначально могло возникнуть лишь во время ритуала, и благодаря ритуалу. Чудо в том, что есть средство, с помощью которого регулярно удается вызывать соответствующее состояние, но при этом и само состояние, и причина его возникновения остаются за пределами понимания.

Нам легко сейчас демистифицировать это чудо, квалифицировав магический ритуал древних людей как комплексный тренинг прикладных навыков, командообразования, успешности достижений и т.п. Но эта демистификация возможна лишь потому, что есть огромный пласт значений, которые позволяют дать альтернативное магическому толкование. А для древних людей даже использование мнемонических средств вызывало удивление и трепет: повернешь оббитую гальку — вспоминаешь событие, во время которого эта галька была

оббита, уберешь скол из поля зрения — снова впадаешь в бессмысленное (безмысленное) состояние «семантического мрака».

Имитация как ритуал и подражание как действие соотносятся между собой так, что имитация представляет ориентировочную основу для подражания, создаваемую коллективными усилиями множества людей. Это и есть сознание — совместное знание! Следовательно, имитация порождает сознание в виде актуально осознанного содержания. Как только ритуал завершен, это содержание дезактуализируется — переходит в потенциальную возможность быть снова актуализированным, т.е. превращается в неосознаваемое содержание, но по сути продолжает быть сознанием. Для внешнего наблюдателя, как и субъективно для самого носителя, сознание как бы исчезает, актуализируясь лишь в момент осознания (то есть коммуникативного использования в качестве содержания сообщения). Но в сущности сознание уже существует, только используется оно эпизодически, лишь в ритуальном контексте.

Порождение образа мира — систем значений. По мере того как человек осваивал имитацию (как средство), расширялась потребность в объяснении (как задача) уже не только смысла совместных действий (объяснить, значит договориться о них), но уже и смысла происходящих в окружающем мире событий. Таким образом, объяснить (сымитировать) означало знаково удвоить, семантически повторить некое событие, явление или состояние.

Регулярное использование ритуальных имитаций и постепенное расширение круга изображаемых (понимаемых) событий, явлений или состояний ставило человека в позицию наблюдателя (а затем и исследователя) по отношению к миру. В результате человек начал постепенно диссоциироваться от природы. Об этом свидетельствуют образы первобытного искусства, так называемые «палеолитические венеры». Все эти женские фигурки из камня и кости, найденные во всех регионах земного шара, имеют идентичный облик, наделены преувеличенными чертами пола. Вероятно, главным для палеолитических мастеров было показать в облике женщин, зафиксировать в изображении способность к деторождению, к продолжению рода. Если скульптуры были задействованы в обрядах, то, несомненно, это была магия плодородия. Известно, как распространены в культах плодородия эротические обряды, способствовавшие увеличению членов сообщества, а значит, выживанию племени. Изображение предоставляло уверенность, что событие деторождения свершится, поскольку во владении общины находился знак, обозначающий женское плодородие. На смену тождества знака и референтного образа приходит ощущение их магической связи. Отныне это не одно и то же. Отныне знак воспроизводит облик вещи, приписывая ей те значения, которые наиболее желательны и выгодны для человека.

С этой же сущностью знака как улучшенного, исправленного двойника вещи или объекта связаны появившиеся заметно позже изображения мужчин-охотников. Кстати сказать, женские фигурки очень натуралистичны, отражают реальность. Во-первых, сам материал — скульптура, то есть трехмерное изображение; во-вторых, точность в передаче физиологических подробностей воспроизводят реальность в близких ей формах. Изображения сцен охоты с героями-мужчинами воссоздают очень условный облик человека, впрочем, подчеркивая его мужской пол. Вероятно, в этих изображениях мы получаем уже следующую стадию развития знаков, более условных, отошедших от буквальной имитации. В них человек уже независимо от времени и ситуации конструирует вымышленный мир, наделяя его значениями и смыслами, не зависимыми от физической

реальности, но важными для общественной практики. Человек начал строить представляемый мир, который не обязан был совпадать с природным мироустройством, поскольку у него другое назначение — организовывать совместную деятельность, как практическую, так и смысловую. Порождаемые при этом объяснения неизбежно оказывались мифами — принимаемыми на веру суждениями о том, как устроен мир.

Если даваемые окружающему миру объяснения соответствовали естественным законам, мифы позволяли людям точнее действовать в мире. Носители мифов, более адекватных по отношению к окружающей среде, получали конкурентное преимущество для выживания и развития. Можно привести немало примеров мифологических утверждений, которые в целом точно описывают те или иные явления природы. К примеру, мифы о солнце в Древнем Египте содержали информацию о движении светила по небосклону, о времени разлива Нила, а значит, повлияли на развитие земледелия. Носители менее адекватных мифов эволюционно выбраковывались, истина определялась выживанием рода. В империи ацтеков мифы о том же солнце стали залогом упадка культуры. Согласно их мифам, Солнце требовало кровавых человеческих жертв, иначе оно остановится и мир придет к концу. Даже версии сказаний о посмертном существовании могут иметь как негативный, так и позитивный результат. У большинства народов обычаи захоронения связаны с представлениями об уходе людей в иной мир, расположенный за пределами обыденного человеческого существования. Безусловно, практика похоронных обрядов устранения умершего имела значение в плане гигиены и здоровья общины. Но история знает и другой прецедент: в культуре майя, считавшей своих правителей бессмертными здесь, в этом мире, было принято оставлять мумифицированное тело вождя на троне, сколько это было возможно. Разумеется, этот ритуал сильно снижал жизнеспособность общины, много сил тратившей на поддержание имитационной действительности, уже ушедшей в небытие. К тому же политические, социальные функции, осуществляемые властителем, приостанавливались, что вредило обществу.

Многие мифы были относительно независимы от законов мироустройства, поскольку касались устройства отношений между людьми, «объясняли» природу общественного устройства. Здесь во многом было несущественно, насколько создаваемые объяснения (мифы) соответствовали законам общества, а поскольку общество только создавалось, то многие объяснения задавали эти законы. Следовательно, то, что создавалось как объяснение, на самом деле конструировало само общество согласно исходным допущениям, часто весьма произвольным.

Таким образом постепенно создавалась новая реальность — сознание как искусственно созданный набор ритуалов, значений и представлений, который воплощается в общественную практику. В своем воплощении эта реальность систематически видоизменяется так, что первоначальный вымысел (иллюзорный по сравнению с естественной реальностью) постепенно реализуется как действительность. В этом выявляется искусственная, культурная сущность всего, что мы называем сознанием. Она свойственна всему, что есть в сознании. Удвоение (имитация) используется и на уровне операций, и на уровне действий (понятная всем нацеленная последовательность операций), и на мотивационном уровне. Все это средства овладения собой — инструментального оснащения себя, управления своими состояниями, вытаскивания себя из трясины бессознательного (в смысле до-сознательного).

Речь идет о революционном приобретении людей — превращении простого подражания в имитацию как инструмент преобразования самого себя. Объяснение себе самим смысла себя самих — само-осознание.

Заключение.

Если описать весь процесс возникновения сознания в пошаговом виде, то представляется примерно следующая картина:

1. Сначала в жизнеобеспечивающей практике людей возникают некие имитационные действия, возможно, имеющие инстинктивный характер.

2. В имитационную деятельность вовлекаются природные объекты, которые затем каким-либо образом обрабатываются и участвуют в повторяемых действиях (так возникает ритуал). Субъективно ритуал переживается как чудо, знаменующая моменты озарения сознанием — осознания (оформление некоего содержания в знаки для передачи адресату).

3. Задействованные в ритуальной практике объекты и действия становятся знаками, указывающими на события, предметы, явления. Постепенно они используются независимо от ситуации, вызывая в памяти референтный образ. Так накапливается объем потенциально или актуально осознаваемого содержания (сознания).

4. Объяснения, даваемые окружающей действительности и отношениям людей, постепенно отбираются в зависимости от их соответствия законам природы и общества. Фиксированные значения и смыслы воздействуют на общественную практику, формируя цели и направляя деятельность людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Мириманов В.Б. Первобытное и традиционное искусство. М.: Искусство, 1973.; Столяр А.Д. Происхождение искусства. М.: Искусство, 1985.
2. Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ АН СССР. Л., 1971, т. XXVII. С. 129-139.

*Елена Юрьевна ЗАРУБКО —
ассистент кафедры
общей и социальной психологии
Института психологии, педагогики,
социального управления
Тюменского государственного университета
arslonga13@yandex.ru*

УДК 159.923

АРХЕТИПЫ: АРТЕФАКТ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?*

ARCHETYPES: ARTIFACT OR REALITY?

АННОТАЦИЯ. Исследование направлено на уточнение понятия «архетип». Выделены категориальные структуры обыденного сознания, соотносимые с архетипами. Показано, что архетип является особой формой психической реальности, существующей в обыденном сознании.

* Исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, № П611 от 07.08.2009.